

УДК 903,93

**«Колесо истории работает в нашу пользу»:
историк как пропагандист в годы Великой Отечественной войны***

Виталий Витальевич Тихонов

Институт российской истории РАН, Россия
117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли историков в патриотической пропаганде времен Великой Отечественной войны. Несмотря на ряд исследований, существующих по этой проблематике, данная тема остается недостаточно раскрытой. При написании работы были использованы как опубликованные документы, так и впервые вводимые в научный оборот. В статье показана работа профессиональных историков лекторами-пропагандистами как в тылу, так и на фронтах, дается описание развития организационных форм пропагандистской работы, раскрываются механизмы ее функционирования. В исследовании освещается деятельность в годы войны таких известных историков, как Е.В. Тарле, М.В. Нечкина, В.И. Шунков, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и т.д. Кроме того, в статье рассматривается формирование позитивного образа союзников в школьном учебнике по истории стран Европы и Америки. На основе анализа применения исторических образов в антинемецкой пропаганде делается вывод об их эффективности. Спецификой военного времени стало то, что ослабление идеологического контроля спровоцировало конфликт в среде историков за интерпретацию исторических фактов и явлений. Конфликт показан на примере совещания историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Особое внимание уделено письмам В.И. Шункова с фронта, в которых описывается повседневная работа историка-пропагандиста в прифронтовых условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; пропаганда прошлого; советские историки; советская историческая наука; историография.

Исторические образы занимают важное место в пропаганде патриотизма. Поэтому не случайно, что в годы двух мировых войн апелляция к прошлому как к героическому примеру для подражания, жизненному уроку, созданию образа врага и т.д. становится чрезвычайно популярной. Давно замечено, что в критические моменты, когда создается реальная угроза существованию нации или общества, происходит мобилизация исторической памяти. Именно историки играют ключевую роль в такое время.

«Историк и война» – тема до сих пор мало изученная. Несмотря на ряд имеющихся исследований [1], в том числе и монографического характера [2], многие вопросы остаются не освещенными, документов, введенных в научный оборот, явно недостаточно. Между тем «историк и война» – интересный предмет самостоятельного исследования в силу целого ряда причин. Во-первых, война до предела обостряет чувство истории, и именно исследователь прошлого зачастую оказывается в авангарде осмысления проходящих событий; во-вторых, исторические образы приобретают важность как пропаганда, поэтому историк становится еще и пропагандистом; в-третьих, историки – важнейшее звено в формировании исторического образа войны, сохранения памяти о ней. Специфическая черта человека, имеющего историческое образование или профессионально занимающегося изучением прошлого, – это стремление вписать современные ему события в исторический контекст, выявить их связь с историческими процессами.

Еще в 1930-е гг. в советской пропаганде коммунистические, интернационалистские ценности были существенно потеснены более традиционным патриотизмом. В силу ряда причин Советский Союз перестал рассматриваться как исключительно авангард мировой революции. Руководство все больше делало акцент на воспитании советского патриотизма. В оценке прошлого теперь звучали не столько отрицательные нотки, сколько подчеркивался

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 12-01-00264а

положительный характер многих событий, явлений и лиц русской истории [3]. Симптоматичным стало следующее событие. В мае 1941 г. И.В. Сталин опубликовал статью, в которой выступал против оценки Ф. Энгельсом России как реакционного «жандарма Европы» [4]. Даже военные теоретики и пропагандисты призывали к изучению опыта русской императорской армии и ее полководцев [5].

Начавшаяся война многократно усилила указанную тенденцию. Тон задавали первые лица страны. 7 ноября 1941 г. И.В. Сталин, обращаясь к красноармейцам, призвал: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [6]. Были учреждены ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Ушакова, Нахимова. Таким образом, война приобрела историко-патриотический контекст, был подчеркнут ее отечественный характер.

Были и определенные промахи. Так, в первых же речах советских лидеров прозвучало сравнение нападения Германии с нашествием Наполеона в 1812 г. Не всем оно пришлось по душе. М.В. Нечкина была категорически не согласна с такой аналогией: «Я решительно против сравнения с Наполеоном. Глубочайшая и всесторонняя его неправильность по существу. Кроме того, воспринимается как неполное знание истории. Особенно неприятно то, что в самом факте сравнения – в эмбрионе – план отступления. Я не хочу и говорить про Москву. Неудачное, опасное, ошибочное сравнение. Я, конечно, понимаю его политический смысл (отечественная война), особенно для заграницы. Но это недопустимо – особенно в первый день войны» [7]. Знали ли тогда М.В. Нечкина, что недобрые предчувствия окажутся реальностью? Немцы дойдут до самой Москвы, а официальная пропаганда будет это преподносить как гениальный план, однажды уже апробированный в войну 1812 года [8].

Итак, исторический компонент занимал важнейшие позиции в советской военной пропаганде, поэтому для работы лекторами было мобилизовано большое количество профессиональных историков. В 1941 г. было создано Бюро научной пропаганды АН СССР. 14 апреля 1941 г. в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) прошло совещание, посвященное задачам исторической науки, на котором подчеркивалось, что главная задача советских историков – разоблачение фашизма, показ исторического значения Отечественной войны. В центре внимания историков должна была оказаться агитационная работа, направленная на формирование образа непобедимой Советской армии и развенчание мифа о непобедимости немцев [9].

Напомним, что в советское время отношения власти и интеллигенции были полны драматических эпизодов, когда многие видные интеллектуалы подвергались репрессиям. Историки не были исключением. Тем не менее, экономические достижения Советского Союза и особенно общая опасность, а затем и победы в Великой Отечественной войне многих примирили с властью. Например, по свидетельству А.А. Формозова, С.В. Бахрушин, прошедший через «Академическое дело» и ссылку в 1930-е гг., в годы войны считал Сталина деятелем, равным Петру I, приведшим страну к величию и победе во Второй мировой [10]. В.М. Хвостов, выходец из русской дореволюционной интеллигенции, воспитанный в семье, где сильны были антибольшевистские настроения, в 1942 г. вступил в партию. Дочь К.В. Хвостова вспоминает: «...Его восхищала мощь государства, достигнутая особенно в послевоенные годы. Он не раз говорил мне, что никогда ранее Россия не обладала таким военным и политическим влиянием и авторитетом» [11]. С.О. Шмидт отмечал: «Нам была присуща, особенно по окончании войны, также государственно-патриотическая гордость» [12]. Кроме того, подавляющее большинство историков, даже если они и были настроены критически к существующему строю (конечно же, в душе), прекрасно понимали, что в данный момент речь идет о сохранении не советского строя, а собственно русского народа. Поэтому они охотно включились в работу. Даже подавляющая часть русской эмиграции заняла (с существенными оговорками) просоветскую позицию [13].

Важным направлением стало написание истории войны, пропаганда и увековечивание подвига советских солдат. Партийное руководство достаточно быстро осознало идеологическую и культурную значимость сбора документов по истории Великой Отечественной войны. Такая работа, хотя и не систематически, велась с самого начала боевых действий. Но только к концу 1941 г. были предприняты конкретные шаги по привлечению профессиональных историков к собиранию и исследованию материалов по данной проблематике. Одной из причин такого шага были многочисленные письма, в

которых фронтовики и работники тыла призывали к сохранению памяти о текущих событиях.

В конце ноября 1941 г. была создана комиссия по истории обороны Москвы. Первоначальной целью новой организации было написание истории боев за Москву, но вскоре стало очевидным, что нельзя ограничивать комиссию только сбором материалов по обороне Москвы, поскольку масштаб событий требует общесоюзного подхода. 15 января 1942 г. недавно созданная организация была переименована в Комиссию по истории Великой Отечественной войны [14], целью которой стала деятельность на территории всего Советского Союза. Во главе был поставлен заведующий Управлением агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров, его заместителем стал известный историк, крупный специалист по истории советского общества, член-корреспондент АН СССР И.И. Минц. Кроме того, в комиссию вошли заместитель начальника Главного политического управления РККА А.А. Кузнецов, которого позднее сменил И.В. Шикин, редактор «Правды» П.Н. Поспелов, редактор «Известий» Л.Я. Ровинский, заведующий ОГИЗом П.Ф. Юдин, заместитель СНК СССР Р.С. Землячка, секретарь Московского комитета партии Е.И. Леонтьева, секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов, академики М.Б. Митин, Е.М. Ярославский и историк Е.Н. Городецкий [15]. Рядовыми членами комиссии стали известные историки В.И. Шунков, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, Э.Б. Генкина, Н.С. Трусова, Н.А. Сидорова, П.И. Белецкий, О.Н. Чаадаева и др. Именно на них возлагалась основная работа по сбору и первичной обработке полученных источников.

Первоначально предполагалось собирать источники, которые из-за своей специфичности могли не попасть в архивы [16]. К ним были отнесены воспоминания участников партизанского движения, работников тыла, материалы о Героях Советского Союза, документы, запечатлевшие деятельность ученых, писателей и артистов и т.д. Но вскоре это ограничение было снято и собирание источников приобрело всеобъемлющий характер.

За время работы был собран огромный комплекс документов, отражавший различные стороны жизни страны в военное время. Некоторые из них были использованы в публикациях уже во время войны [17]. Члены комиссии принимали активное участие в составлении книг, брошюр и сборников документов, показывавших подвиг советских солдат и зверства немецких войск [18]. В этом, несомненно, проявилась и очевидная пропагандистская составляющая их деятельности.

Крупнейшие специалисты-историки отправлялись на фронт для чтения лекций по исторической тематике, вели занятия в тылу, писали историко-патриотические книги и статьи. Работа была трудной. Приходилось читать лекции на разные темы, причем нередко по несколько за день. Например, историк В.И. Шунков, служивший лектором политотдела 40-й армии 2-го Украинского фронта, писал: «Сам я последнее время много читал: на партийных собраниях и активах о годовщине со дня смерти Владимира Ильича, о X сессии Верховного совета, о 26-й годовщине Кр[асной] армии, о приказе т. Сталина № 16; на офицерских собраниях о Суворове, Кутузове, Хмельницком. Сегодня закончил статью о Хмельницком. Последние полтора месяца целиком выполнял лекторскую работу и был все время в разъездах» [19].

Не менее напряженным был график М.В. Нечкиной. Вот только некоторые темы ее выступлений: «Разгром Наполеона», «Разгром Наполеона и Михаил Кутузов», «Отечественная война», «1812 год», «Крах замыслов мирового господства в истории человечества», «Дмитрий Донской и Куликовская битва», «Минин и Пожарский» и т.д. [20]. Лекций читались и на фронте, и в госпиталях, и на пограничных заставах, на флоте, в детских лагерях, на курсах подготовки секретарей, даже в прачечной. По ее воспоминаниям, «в годы войны огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика. Читались лекции и о знаменитых битвах в давние эпохи – Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, и о великих полководцах – Суворове, Кутузове, и на обобщающие темы, например “Мужественный образ наших великих предков”. Привлекала большое внимание и лекция “Крах замыслов мирового господства в истории человечества”. Я часто ее читала» [21]. Всего, по приблизительным подсчетам самой М.В. Нечкиной, она прочитала солдатам Красной армии свыше 300 докладов и лекций [22]. Находясь в эвакуации, М.В. Нечкина вынашивала планы написания монографии «Русский солдат в художественной литературе» [23].

Е.В. Тарле как всемирно известный историк и великолепный оратор даже получил специальный поезд-вагон, на котором он ездил по разным районам СССР. Историк читал лекции в самых разных аудиториях: перед агитаторами, нефтяниками, металлургами, учеными и т.д. [24]. Агитационным шагом стала и публикация книги Е.В. Тарле «Наполеон» в Англии одновременно с изданием романа Л.Н. Толстого «Война и мир». По воспоминаниям известного советского посла И.М. Майского, «обе книги являлись тяжелой артиллерией в борьбе с неверием англичан в непобедимость Советского Союза» [25].

В пропаганде заметное место приобрели лекции и работы по истории славянства. В них стремились опровергнуть инсинуации нацистских историков и философов, заявлявших о неполноценности славянских народов. Идеология славянской солидарности оказалась чрезвычайно востребованной. Особенно активно на ниве пропаганды общекультурных и исторических ценностей славянства выступал историк-славист В.И. Пичета. Только за несколько первых месяцев войны он опубликовал в центральных газетах следующие очерки: «Гитлеру не покорить свободолюбивые славянские народы», «Гитлер – лютый враг русского народа», «Славяне никогда не будут рабами», «Исторические судьбы славянства» и т.д. Не менее активным был академик Н.С. Державин [26]. Известный историк-юрист Б.И. Сыромятников разработал амбициозную программу по изучению истории славянского права в сравнительно-историческом контексте [27]. Славяноведение станет одной из магистральных направлений советской историографии.

Пропаганда подчеркивала и единство союзников по антигитлеровской коалиции. От историков требовался показ позитивного опыта контактов между союзниками. Так, в «Историческом журнале» неоднократно печатались статьи, посвященные историческим связям России, Англии, Франции и США [28]. Это потребовало отойти от жесткой антианглийской и антиамериканской риторики предвоенных лет, что наглядно проявилось в истории создания школьного учебника по Новой истории, авторами которого были В.М. Хвостов, И.С. Галкин, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотович. Школьный учебник писался довольно долго, каждая оценка или характеристика тщательно подбирались. В целом он был закончен еще до войны. Но в годы войны авторскому коллективу пришлось в угоду пропаганде многое в нем изменить. Написанный в русле идеологических стандартов довоенного времени, учебник значительное внимание уделял разоблачению колониальной политики «империалистических стран», в первую очередь Англии. Но во время войны, когда «империалистические страны» стали союзниками СССР, у авторов потребовали смягчить риторику. Из текста были убраны слова «захваты» и «захватническая политика» Великобритании и США [29]. Учебник вышел только в 1946 г. [30].

В агитации активно участвовали и такие известные историки – ученики В.О. Ключевского, как А.И. Яковлев и С.В. Бахрушин. Яковлев несколько раз читал по радио циклы исторических передач, посвященных героическим фактам русской истории [31]. Кроме того, он организовал выставки в честь Александра Невского [32], Кутузова [33], Суворова [34] и т.д. Им было подготовлено и напечатано «Пособие к изучению боевых приказов и речей товарища И.В. Сталина» [35]. В пособии, между прочим, историк выражает большие надежды на союз со «свободолюбивыми демократическими странами» [36].

С.В. Бахрушин публиковал историко-патриотические произведения, например, работы «Дмитрий Донской», «Москва в 1812 и 1941 годах», «Минин и Пожарский», «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике», «Героическое прошлое русского народа» [37] и т. д.

Как это легко заметить, центральное место в лекциях играла военно-патриотическая тематика, целью которой было поднятие боевого духа. На первые два года войны приходится пик лекторской работы историков. Только в 1943 г. было прочитано 600 лекций. Кроме лекционной работы, важнейшим направлением была публикация брошюр. По подсчетам Г.Д. Алексеевой, Институт истории за 16 месяцев с начала войны выпустили более 50 брошюр по отечественной и всемирной тематике. Часто они носили специальный подзаголовок «В помощь политруку» [38].

4 августа 1943 г. прошло заседание Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы, посвященное научной пропаганде, на котором председательствовал А.Я. Вышинский [39]. На нем известные историки (Б.Д. Греков, В.И. Пичета, С.Г. Стумилин и др.) предложили наиболее актуальные, с их точки зрения, исторические темы: история

славянства, становление русского государства, история развития русской промышленности и т.д. А.Я. Вышинский призвал усилить плановый характер пропагандистской работы.

Как отметил А.М. Дубровский, «актуальность культа героев отечественной истории в 1941–1943 гг. объясняется тем, что в это время Советская армия вела главным образом оборонительные бои. Материала для воспевания современных побед было мало. Именно на лето 1942 г. (на период наступления фашистских войск на юге страны и канун Сталинградской битвы) пришелся пик военно-исторической пропаганды» [40].

Заметим, что военное время стало периодом относительного ослабления идеологического давления на историческую науку в том смысле, что быстрое изменение идеологии, поворот к традиционным ценностям, который тем не менее не отменял коммунистической риторики, привели к некоторой идеологической неопределенности. Многие историки по-своему трактовали сложившуюся ситуацию. Например, Е.В. Тарле прочитал лекцию, в которой утверждал, что нельзя рассматривать завоевания Российской империи с негативной точки зрения, поскольку именно большая территория, приобретенная в ходе экспансии, теперь позволяет успешно воевать советскому государству [41]. В принципе, историк в значительной степени развивал мысли Сталина, высказанные тем в статье против Ф. Энгельса. Но его лекция вызвала протест А.М. Панкратовой, которая усмотрела в этом отход от марксизма.

Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 году. Инициатором встречи была А.М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Она писала, что в исторической науке все громче звучат требования о пересмотре марксистского понимания истории, что эти требования главным образом исходят от представителей «школы Ключевского», которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе» [42].

В ответ на это была сформирована комиссия в составе председателя А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 г. и проводилось с перерывами 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На совещание были приглашены ведущие историки Советского Союза.

Не будем подробно останавливаться на ходе конференции, тем более, что в исторической науке есть немало исследований на эту тему. Отметим лишь следующее. В ходе дискуссии на конференции сложились три группы историков: 1) историки-марксисты, в массе своей ученики М.Н. Покровского, которые отстаивали принципы классового подхода к оценке русской истории; 2) историки «старой школы» и примкнувшие к ним ученые, следующие новой конъюнктуре, которые считали, что русское прошлое должно рассматриваться в позитивном ключе и 3) историки во главе с И.И. Минцем, предложившие придерживаться «золотой середины», что более соответствовало официальной позиции. Последние призывали не искать в истории только негативные черты, но подчеркивать и положительные стороны [43].

Но, несмотря на то, что формально совещание было инициировано историками, главным действующим лицом на нем были представители власти. Для советской идеологической системы проходящая конференция была хорошим поводом вернуть контроль над исторической наукой. Поэтому в резолюциях все эти неофициальные группировки были намеренно нивелированы. Официальным идеологам было выгодно предстать в виде арбитров, указывающих на то, что неправы в той или иной степени все.

После того, как исчезли надежды на мировую революцию, а во внутренней политике начали преобладать патриотические мотивы, советская историческая наука совершила поворот к позитивному (в умеренной форме) освещению русской истории. Но во время войны вновь появились обоснованные надежды на дальнейшее распространение коммунистических идей за пределы СССР, а излишне патриотическая риторика могла этому помешать. Поэтому нужно было сохранить не только патриотические элементы идеологии, которые показали себя крайне эффективно во время войны, но и не отпугнуть воинствующим советским национализмом другие народы. На основании этих соображений и принималась резолюция совещания. Ее авторы не поддержали ни одну из проявившихся на совещании позиций: они выразили недовольство как излишним принижением русской истории, так и излишней ее героизацией.

Пока в тылу гремели идеологические споры, многие историки продолжали свою пропагандистскую деятельность в Красной армии, которая вступила в Европу. В личном

фонде А.Л. Сидорова сохранились письма другого, не менее известного историка, В.И. Шункова, присланные из европейского похода Красной армии [44]. Конечно, война занимает в них доминирующее место, но нередко рядом проходят и другие сюжеты: в первую очередь историческая наука, жизнь научного сообщества. Особенно подробно историк описывал свои впечатления от похода в Восточную Европу. Внимательное отношение к окружающей действительности было обусловлено не только природной жаждой новых знаний и наблюдательностью, но и тем, что В.И. Шунков старался на лекциях приводить примеры из жизни. Историк не участвовал непосредственно в боях, поэтому война в его письмах не показана напрямую. Зато его письма заполнены подробными описаниями походной жизни, бытовыми зарисовками, в них много любопытных деталей и мыслей.

Письма показывают, что спрос на лекции был по-прежнему чрезвычайно высок. Находясь в Румынии, он писал: «Мы долго стояли и провели огромную работу. Университет за университетом – семинары для самых различных категорий наших работников от парторгов батальонов до начподивов и начпунков, от командиров батальонов до командиров дивизий и корпусов. Ни одного семинара не прошло без моего доклада или лекции. А я ведь не умею выступать не готовясь. Кроме того, большой спрос на мои лекции со стороны частей» [45]. Описывая стремительный бросок через Восточную Европу, В.И. Шунков подчеркивает героизм советских солдат: «И он не грабит и не мстит. В нем есть месть, но нет мстительности. Он хочет вернуть награбленное родине, но не себе, нет. Он замечательно воюет потому, что страстно хочет справедливости и конца войны» [46]. Как историк-пропагандист, В.И. Шунков сетует на то, что советский «Исторический журнал» не публикует необходимых для лекций материалов: «Почему я, сидя на фронте, напрягаю свою память и силы, чтобы напомнить людям факты совместной борьбы русских и чехов против немцев, вековые традиции русско-чешской дружбы, антинемецкой борьбы чехословацкого народа, блеск его культуры и т.д. Почему не может помочь мне в этом «Исторический журнал»? Быть может, там что-нибудь и готовится? Из Румынии мы ушли, не получив ничего, так же уходим из Венгрии и так же уйдем из Чехословакии. Война требует оперативности от всех, в том числе и от «Исторического журнала» [47]. Наблюдая за происходящими событиями, он гордо пишет: «Колесо истории работает в нашу пользу» [48]. Ни на миг В.И. Шунков не забывает, что он историк. Так, он регулярно спрашивает о ситуации в научных кругах. В усадьбе Иштвана Бетлена, бывшего венгерского премьер-министра, он обнаружил великолепную коллекцию книг, в том числе и средневековых. В письме он сетует на то, что Академия наук СССР не занимается разбором книжных богатств бывших фашистских деятелей: «Они же должны вернуть нам то, что сожгли у нас. Помните харьковские библиотеки? Сенокосилки возвращать, конечно, нужно, но и о культурных ценностях забывать также не стоит» [49]. Когда закончилась война, автор сожалел лишь об одном: «Привык я к своим слушателям, завоевал их (разве не приятно получать телеграммы с просьбой приехать или узнать о решениях парторганизаций о приглашении меня к ним на лекцию) и мне жаль с ними расстаться» [50].

Таким образом, историк-пропагандист стал одной из заметных фигур Великой Отечественной войны. Пропаганда прошлого работала во всю мощь. В этой связи любопытно сравнить опыт двух мировых войн. В Первую мировую войну также наблюдались попытки развернуть широкую историческую пропаганду [51]. Но тогда этого не удалось. Советская власть с присущим ей опытом в идеологической работе, умением мобилизовать ресурсы на ключевых направлениях сумела наладить действительно широкую лекторскую работу, способствовавшую поддержке патриотических настроений.

Примечания:

1. Например: Гордина Е.Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 58–71; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и историческая память (научное сообщество сибирских историков в годы Великой Отечественной войны) // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 75–95.
2. Например, Бурдей Г.Д. Историк и война. Саратов, 1991.; Кондакова Н.И., Куманев Г.А. Ученые-гуманитарии в годы Великой Отечественной войны. Документы. Материалы. Комментарии. М., 2004.
3. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 170–304.

4. Подробнее см.: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С.222–226.
5. Неvejeин В.А. «Если завтра в поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х–40-х годах. М., 2007. С. 220, 224 и др.
6. Сталин И.В. Речь на Красной площади 7 ноября 1941 года // Правда. 1941. 8 ноября.
7. Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 122.
8. Сидорова Л.А. Великая Отечественная война в работах советских историков в первые послевоенные годы (1945–1956 гг.) // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 6–8.
9. Бурдей Г.Д. Указ. соч. С. 16.
10. Дубровский А.М. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т.1. М. – Иерусалим, 2000. С. 202.
11. Хвостова К.В. Владимир Михайлович Хвостов // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 5. Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 576.
12. Шмидт С.О. Самый талантливый с нашего курса // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2001. С. 36.
13. Вандалковская М.Г. Вторая мировая война и эмиграция // История и историки. 2008. Историографический вестник. М., 2010. С. 16–49.
14. Курносоев А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 119.
15. Там же. С. 120.
16. Научный архив ИРИ РАН. Ф. 14. «К». Ед.хр. 2. Л. 6.
17. Архив РАН (Далее – АРАН) Ф. 457. Оп. 1-а/1944. Ед. хр. 66; Герасимов Е. Генерал Доватор. М., 1942; Восемь повешенных в Волоколамске. М., 1942; Михайлов Н. Лиза Чайкина. М., 1942; «Молодая гвардия». Герой-комсомолец Краснодона. М., 1942.
18. Например, Генкина Э. Героический Сталинград. М., 1943; Ясная Поляна. Статьи и документы / Под ред. И.И. Минца и С.А. Толстой-Есениной. М., 1942 и т.д.
19. Тихонов В.В. «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 г. – 9 июня 1945 г. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 97–98.
20. Дневники академика М.В. Нечкиной... С. 123–127.
21. Нечкина М.В. Лекции в дни войны // В годы войны. Статьи и очерки. М., 1985. С. 35.
22. Письмо М.В. Нечкиной И.И. Минцу. 8 мая 1943 г. // «История в человеке» – академик М.В. Нечкина / под ред. Е.Л. Рудницкой и С.В. Мироненко. М., 2011. С. 597.
23. Нечкина М.В. Русский солдат в художественной литературе. План книги // Там же. С. 250–253.
24. Чапкевич Е.И. Евгений Викторович Тарле // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М. – Иерусалим, 2000. С. 330.
25. Майский И.М. Воспоминания советского посла. М., 1965. С. 188.
26. Подробнее см.: Досталь М.Ю. Как феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М., 2009. С. 54–55.
27. Тихонов В.В. Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 36; Он же. Жизнь и труды историка Б.И. Сыромятникова // История и историки. 2007. Историографический вестник. М., 2009. С. 304.
28. Например, Готье Ю., Бахрушин С. Культурные и политические связи России и Англии в XVI–XVII веках // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 64–70; Семенов В. Англо-русские отношения в царствование Петра I // Там же. 1943. № 10. С. 43–50; Эггерт З. Отмена рабства в США и отклики в России // Там же. 1943. № 8–9. С. 69–75.
29. АРАН Ф. 1667. Оп. 1. Ед.хр. 512. Л. 4.
30. Подробнее см.: Тихонов В.В. Школьный учебник истории в контексте идеологических кампаний послевоенного времени (на примере "Новой истории" под редакцией В.М. Хвостова) // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов. М., 2011. С. 136–139.
31. Бурдей Г.Д. Историк и война... С. 78.
32. АРАН Ф. 665 (А.И. Яковлева). Оп. 1. Ед. хр. 60.
33. Там же. Ед. хр. 71.
34. Там же. Ед. хр. 70.
35. АРАН Ф. 574 (В.П. Потемкина) Оп. 5. Ед. хр. 25.
36. Там же. Л. 32.
37. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 14–15.
38. Корзун В.П. Историческая наука СССР в период Великой Отечественной войны // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 503.

39. Стенограмма заседания Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникации убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 2007. С. 463–470.
40. Дубровский А.М. Указ. соч. С. 411.
41. Тарле Е.В. О роли территориального расширения России в XIX и XX веках. Доклад на Ученом совете Ленинградского университета / публикация Ю.Н. Амиантова // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 3–13.
42. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 48.
43. См. подробнее: Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 130–152; Дубровский А.М. Историк и власть... С. 467–470; Корзун В.П. Совещание историков в ЦК ВКП (б) 1944 года // Очерки истории отечественной исторической науки XX века... С. 507–516; Сидорова Л.А. Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв. Липецк, 2009. С. 269–275; Юрганов А.Л. Русское национальное государство... С. 227–484.
44. Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки Ф. 632 (А.Л. Сидорова). К. 91. Ед. хр. 22.
45. «Я ведь действительно историк...». Письма с фронта В.И. Шункова... С. 101–102.
46. Там же. С. 102.
47. Там же. С. 105.
48. Там же. С. 106.
49. Там же. С. 107.
50. Там же. С. 113.
51. Тихонов В.В. Первая мировая война и общественные настроения российских историков // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 150–159.

References:

1. Naprimer: Gordina E.D. Istoriko-patrioticheskoe vospitanie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Voprosy istorii. 2011. № 12. S. 58-71; Korzun V.P., Kolevatov D.M. Sotsial'nyi zakaz i istoricheskaya pamyat' (nauchnoe soobshchestvo sibirskikh istorikov v gody Velikoi Otechestvennoi voiny) // Mir istorika. Istorigraficheskii sbornik. Vyp. 1. Omsk, 2005. S. 75-95.
2. Naprimer: Burdei G.D. Istorik i voina. Saratov, 1991; Kondakova N.I., Kumanev G.A. Uchenye-gumanitarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Dokumenty. Materialy. Kommentarii. M., 2004.
3. Dubrovskii A.M. Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noi Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gg.). Bryansk, 2005. S. 170-304.
4. Podrobnее sm.: Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma. M., 2011. S.222–226.
5. Nevezhin V. A. «Eсли zavtra v pokhod...». Podgotovka k voine i ideologicheskaya propaganda v 30-kh-40-kh godakh. M., 2007. S. 220, 224 i dr.
6. Stalin I.V. Rech' na Krasnoi ploshchadi 7 noyabrya 1941 goda // Pravda. 1941. 8 noyabrya.
7. Dnevnik akademika M.V. Nechkinoi // Voprosy istorii. 2004. № 7. S. 122.
8. Sidorova L.A. Velikaya Otechestvennaya voina v rabotakh sovetskikh istorikov v pervye poslevoennye gody (1945-1956 gg.) // Istoriya i istoriki. 2008. Istorigraficheskii vestnik. M., 2010. S. 6-8.
9. Burdei G.D. Istorik i voina. Saratov, 1991. S. 16.
10. Dubrovskii A.M. Sergei Vladimirovich Bakhrushin // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T.1. M.-Ierusalim, 2000. S. 202.
11. Khvostova K.V. Vladimir Mikhailovich Khvostov // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 5. Srednie veka. Novaya i noveishaya istoriya. M., 2010. S. 576.
12. Shmidt S.O. Samyi talantlivyi s nashego kursa // Mir Aleksandra Kazhdana. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya. SPb., 2001. S. 36.
13. Vandalkovskaya M.G. Vtoraya mirovaya voina i emigratsiya // Istoriya i istoriki. 2008. Istorigraficheskii vestnik. M., 2010. S. 16-49.
14. Kurnosov A.A. Vospominaniya-interv'yu v fonde Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Akademii nauk SSSR (organizatsiya i metodika sobiraniya) // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1973 g. M., 1974. S. 119.
15. Tam zhe. S. 120.
16. Nauchnyi arkhiv IRI RAN. F. 14. «K». Ed.khr. 2. L. 6.
17. Arkhiv RAN (Dalee – ARAN) F. 457. Op. 1-a/1944. Ed.khr. 66; Gerasimov E. General Dovator. M., 1942; Vosem' poveshennykh v Volokolamske. M., 1942; Mikhailov N. Liza Chaikina. M., 1942; «Molodaya gvardiya». Geroy-komsomol'tsy Krasnodona. M., 1942.

18. Naprimer: Genkina E. Geroicheskiy Stalingrad. M., 1943; Yasnaya Polyana. Stat'i i dokumenty / Pod red. I.I. Mintsu i S.A. Tolstoi-Eseninoy. M., 1942 i t.d.
19. Tikhonov V.V. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova iz Otdela rukopisei RGB. 14 dekabrya 1943 g. – 9 iyunya 1945 g. // Otechestvennyye arkhivy. 2012. № 1. S. 97-98.
20. Dnevnik akademika M.V. Nechkinoi... S. 123-127.
21. Nechkina M.V. Lektsii v dni voyny // V gody voyny. Stat'i i ocherki. M., 1985. S. 35.
22. Pis'mo M.V. Nechkinoi I.I. Mintsu. 8 maya 1943 g. // «Istoriya v cheloveke» - akademik M.V. Nechkina / pod red. E.L. Rudnitskoi i S.V. Mironenko. M., 2011. S. 597.
23. Nechkina M.V. Russkii soldat v khudozhestvennoy literature. Plan knigi // Tam zhe. S. 250-253.
24. Chapkevich E.I. Evgenii Viktorovich Tarle // Portrety istorikov. Vremya i sud'by. T. 2. Vseobshchaya istoriya. M.- Ierusalim, 2000. S. 330.
25. Maiskii I.M. Vospominaniya sovetskogo posla. M., 1965. S. 188.
26. Podrobnее sm.: Dostal' M.Yu. Kak feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroi mirovoi voyny i pervye poslevoennyye gody). M., 2009. S. 54-55.
27. Tikhonov V.V. Istoriik «staroi shkoly»: nauchnaya biografiya B.I. Syromyatnikova. Pisa, 2008. S. 36; On zhe. Zhizn' i trudy istorika B.I. Syromyatnikova // Istoriya i istoriki. 2007. Istoriograficheskii vestnik. M., 2009. S. 304.
28. Naprimer: Got'e Yu., Bakhrushin S. Kul'turnyye i politicheskiye svyazi Rossii i Anglii v XVI-XVII vekakh // Istoricheskii zhurnal. 1941. № 12. S. 64-70; Semenov V. Anglo-russkiye otnosheniya v tsarstvovanie Petra I // Tam zhe. 1943. № 10. S. 43-50; Eggert Z. Otmena rabstva v SShA i otkliki v Rossii // Tam zhe. 1943. № 8-9. S. 69-75.
29. ARAN F. 1667. Op. 1. Ed.khr. 512. L. 4.
30. Podrobnее sm.: Tikhonov V.V. Shkol'nyi uchebnik istorii v kontekste ideologicheskikh kampanii poslevoennogo vremeni (na primere "Novoi istorii" pod redaktsiei V.M. Khvostova) // Istoricheskiye dokumenty i aktual'nyye problemy arkheografii, otechestvennoi i vseobshchei istorii novogo i noveishego vremeni. Sbornik tezisov i dokladov uchastnikov konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov. M., 2011. S. 136-139.
31. Burdei G.D. Istoriik i voyna.... S. 78.
32. ARAN F. 665 (A.I. Yakovleva). Op. 1. Ed.khr. 60.
33. ARAN F. 665 (A.I. Yakovleva). Op. 1. Ed.khr. 71.
34. ARAN F. 665 (A.I. Yakovleva). Op. 1. Ed.khr. 70.
35. ARAN F. 574 (V.P. Potemkina) Op. 5. Ed.khr. 25.
36. ARAN F. 574 (V.P. Potemkina) Op. 5. Ed.khr. 25. L. 32.
37. Bakhrushin S.V. Nauchnyye trudy. T. I. M., 1952. S. 14-15.
38. Korzun V.P. Istoricheskaya nauka SSSR v period Velikoi Otechestvennoi voyny // Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka. Omsk, 2005. S. 503.
39. Stenogramma zasedaniya Lektsionnogo byuro pri Komitete po delam vysshei shkoly // Sovetskaya propaganda v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: «kommunikatsii ubezhdeniya» i mobilizatsionnyye mekhanizmy / Avtory-sostaviteli A.Ya. Livshin, I.B. Orlov. M., 2007. S. 463-470.
40. Dubrovskii A.M. Ukaz. soch. S. 411.
41. Tarle E.V. O roli territorial'nogo rasshireniya Rossii v XIX i XX vekakh. Doklad na Uchenom sovete Leningradskogo universiteta / publikatsiya Yu.N. Amiantova // Voprosy istorii. 2002. № 6. S. 3-13.
42. Stenogramma soveshchaniya po voprosam istorii SSSR v TsK VKP(b) v 1944 godu // Voprosy istorii. 1996. № 2. S. 48.
43. Sm. podrobnее: Gordon A.V. Velikaya Frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoi istoriografii. M., 2009. S. 130-152; Dubrovskii A.M. Istoriik i vlast'...S. 467-470; Korzun V.P. Soveshchanie istorikov v TsK VKP (b) 1944 goda // Ocherki istorii otechestvennoi istoricheskoi nauki XX veka.... S. 507-516; Sidorova L.A. Bor'ba mnenii po probleme patriotizma na Soveshchaniy istorikov v TsK VKP(b) 1944 g. // Rossiiskaya gosudarstvennost' v litsakh i sud'bakh ee sozidatelei: IX – XXI vv. Lipetsk, 2009. S. 269-275; Yurganov A.L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo... S. 227-484.
44. Nauchno-issledovatel'skii otdel Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki F. 632 (A.L. Sidorova). K. 91. Ed.khr. 22.
45. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova... S. 101-102.
46. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova ... S. 102.
47. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova ... S. 105.
48. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova S. 106.
49. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova ... S. 107.
50. «Ya ved' deistvitel'no istorik...». Pis'ma s fronta V.I. Shunkova ... S. 113.
51. Tikhonov V.V. Pervaya mirovaya voyna i obshchestvennyye nastroyeniya rossiiskikh istorikov // Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stolyetie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. M., 2011. S. 150-159.

UDC 903, 93

**«History Is on Our Side»:
Historian as a Propagandist during the Great Patriotic War**

Vitaly V. Tikhonov

Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Russia
19, Dm. Ulyanov str., Moscow 117036
PhD (History), Researcher
E-mail: tihonovvitaliy@list.ru

Abstract. The article considers the role of historians in patriotic propaganda of the Great Patriotic War. Despite a number of researches, concerning this problem, it remains undeveloped. The work is based on both published documents and the ones, introduced for scientific use for the first time. The article characterizes the work of professional historians as lecturers-propagandists both in rear areas and at the frontlines, describes development of propaganda organizational forms, discloses mechanisms of its functioning. The research covers the activities of such well-known historians, as E.V. Tarle, M.V. Nechkina, V.I. Shunkov, A.I. Yakovlev, S.V. Bakhrushin, etc. in wartime. Besides, the article considers the formation of allies' positive image in history textbooks of Europe and America. Basing on the analysis of applying historic images in anti-German propaganda, the author comes to a conclusion it was efficient. What was specific about the wartime is that the weakening of ideological control caused the conflict among the historians, concerning historical facts and events interpretation. The conflict is shown on the example of historians meeting at Central Committee of the all-Russian Communist Party (Bolshevik) in 1944. Special attention is attached to V.I. Shunkov's letters from the frontline, describing daily work of historian-propagandist in frontline conditions.

Keywords: Great Patriotic War; propaganda of the past; Soviet historians; Soviet historian studies; historiography.